УДК 352

Старостин А.М.

Философия местного самоуправления

В статье с позиций разрабатываемого автором исследовательского направления – прикладной философии и философской инноватики анализируются концептуальные, проектные, управленческие начала и подходы к реформированию местного самоуправления. Автор подчеркивает в этом плане значимость ресурсов самоорганизации, ценностно-мотивационной сферы, а не только финансово-экономического и правового аспектов, привычных для современной организации местного самоуправления и его теории.

Ключевые слова и словосочетания: философская инноватика, социальное проектирование, социальный реализм и номинализм, идентитарность и персонализм, субсидиарность, местное гражданское общество, муниципальный заказ, дирижизм.

Рассматривая проблемы развития местного самоуправления и муниципального управления в современной России, мы сталкиваемся с известной неудовлетворенностью управленческой эффективностью на этом уровне как среди населения, так и среди управленческих кадров. Причины этого многообразны. Они констатируются в многочисленных научных и научно-практических публикациях. В том числе затрагиваются проблемы недостаточной теоретической разработки проблем местного самоуправления (далее – МСУ). А мы подчеркнули бы еще и такой аспект данной проблемы, как неполнота и даже отсутствие философии МСУ, поскольку серьезным концептуальным разработкам предшествует философская рефлексия.

Философия, как известно, рассматривает фундаментальные основания бытия и методы их познания. В какой мере она необходима в столь приземленной сфере, как местное самоуправление, повседневная жизнь и заботы граждан и местных властей? С этим как раз и сталкиваешься, когда меняются основы социального бытия на местном уровне в связи с глубокими формационными сдвигами в образе жизни страны. Когда кардинально меняется хозяйственный уклад и основополагающие ценности, реструктурируется образ жизни, приходят в движение и переселяются на другие территории целые народы, а свой народ уезжает из обжитых мест. Когда, как говорил классик, «все смешалось в доме Облонских», но нужно по-прежнему этим управлять и поддерживать хотя бы элементарный порядок. И когда в существующих тео-

ретических подходах, концепциях не находят опору для конструктивных хозяйственных, социальных, культурных решений.

В истории российского общества такие периоды уже случались. Впервые, когда уже наблюдалось стремление опереться на научно-рациональное мышление, осмысленно-рациональный подход в области проблем МСУ, такое случилось во второй половине XIX века, когда закладывались основы реформы жизни местных сообществ. Отечественная научная мысль 60-90-х гг. XIX вв. активно включилась в процесс теоретического осмысления этих проблем и обосновала масштабные реформы на уровне местных сообществ (Н.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский, В.Н. Васильчиков, В.П. Безобразов, А.Д. Градовский, М.И. Свешников, Л.А. Велихов и др.). Не прошел мимо этих процессов в конце XIX в. и русский марксизм, внимательно изучавший крестьянскую общину и нарождающиеся формы самоорганизации рабочего класса.

С этого времени можно говорить о создании начал отечественной философии местного самоуправления. В послереволюционный (после октября 1917г.) период можно говорить о марксистской социальной философии, исходившей из эгалитаристских организационных и ценностных начал, приведших к концепции самоорганизации трудовых коллективов и территориально-производственных методов организации местной жизни и местного самоуправления.

В наше время, в начале XXI века, применительно к жизни на местном уровне в России пока не сложилась философия местной самоорганизации, местного самоуправления. Точнее, она во многом заимствована из концептуальных построений европейских мыслителей и ученых («гражданское общество», «субсидиарность», «муниципалитет», «частная жизнь» и т.п.), конкретизированных на ценностно-нормативном уровне в «Европейской Хартии о местном самоуправлении», которой вполне соответствует современное российское законодательство и образ мышления российской бюрократии XXI века.

Что касается самого отечественного местного самоуправления, то оно по ряду причин, именно как САМОуправление, практически отсутствует, будучи подменено местным (муниципальным) управлением, которое, в свою очередь, в силу полной зависимости от региональных и федеральных властей по базовым параметрам своего существования (бюджет, ресурсы, влияние административных и правоохранительных структур и др.) фактически выступает в качестве структур власти, подчиненных государственной власти, а не имеющих какую-то самостоятельность и, тем более, зависимость от местного населения. Данная коллизия зафиксирована как на уровне многочисленных социологических опросов населения и муниципальных чиновников, так и на уровне анализа состояния муниципальных финансов и результатов управленческих решений. И здесь стоит коснуться, хотя бы вкратце, как уже отмеченные коллизии отражаются в концептуальных современных поисках и в общественных умонастроениях.

Прежде всего отметим, что в обсуждениях, дискуссиях, связанных с проблемами эффективности местного самоуправления в современной России, на первый план, как правило, выдвигаются вопросы недостаточно развитой финансово-экономической составляющей, экономической базы деятельности местного самоуправления. И в самом деле: абсолютное большинство местных поселений дотируются из регионального и федерального бюджетов. Иначе ни один значимый проект местного уровня не удалось бы реализовать. Таким образом выстроенная структура экономических взаимодействий государства и местных сообществ вольно или невольно программирует модель местного самоуправления не на преобладание принципов субсидиарности, а – на принципы субординации, иерархии.

Проявление этой тенденции на уровне авторитета местной власти четко отметили авторы одного из недавних исследований муниципальных реформ, проводимых на постсоветском пространстве: «В тех сообществах, где местные власти обладают достаточными ресурсами, эффективно решают вопросы местного значения и защищают интересы населения, авторитет местной власти высок и сопоставим с авторитетом институтов государственной власти. В тех же странах, где ресурсы местного самоуправления ограничены (например, в Армении, Грузии, Молдове), у населения укореняется мнение, что органы местного самоуправления являются лишь нижними звеньями государственной власти, всецело зависимыми от него» [1, с. 403].

В данном исследовании Россия не отнесена к числу стран, где ресурсы местного самоуправления ограничены, однако на деле это скорее всего именно так. О чем свидетельствуют и данные опроса, проведенного в феврале–марте 2011 г. Северо-Кавказской академией государственной службы и Ассоциацией муниципальных образований Ростовской области по программе «Отношение населения к деятельности местного самоуправления в сельских поселениях». На вопрос: «На Ваш взгляд, что понимается под местным самоуправлением?» – около 60 % респондентов ответили: «Официальная государственная власть на низовом местном уровне». И менее 9 % понимают под этим «Форму самоорганизации граждан». Но понимание сущности и существующих форм местного самоуправления далеко не во всем зависит от ресурсов, которыми располагает местная власть. У населения, живущего на той или иной территории, имеются собственные, достаточно большие ресурсы, которые многократно превышают те возможности, которыми располагает региональный и местный бюджет, пополняемый из налоговых ресурсов государства. Собственные ресурсы, включая и живую энергию, могут быть подключены для развития местных сообществ, а могут и остаться втуне. Огромным ресурсом местного самоуправления была и остается самодеятельная энергетика и ресурсы граждан. А «размораживание» и использование этих ресурсов зависит от состояния ценностно-мотивационной сферы местного сообщества.

В последнее время в теории и политической практике об этом говорится все чаще. Например, в управленческой теории, в том числе ориентиро-

ванной на государственное управление и местное самоуправление, интенсивно разрабатывается концепция управления по ценностям [2; 3]. И в частности, отмечается, что «… у нас господствует экономический материализм, согласно которому все дело в инвестициях, налогах, финансовых институтах, оргструктурах, технологиях… Социокультурные изыскания они считают чем-то второстепенным, невлиятельным. Между тем можно считать доказанным, что затраты и управление бывают эффективными только тогда, когда они опираются на соответствующую ценностную базу, присущую народу, коллективам, личностям» [2, с. 37-38].

В политической и управленческой практике речь идет о проблеме участия, которая детерминируется прежде всего состоянием ценностно-мотивационной сферы.

Необходимость решения проблемы участия, развития инициативы и активности населения в делах местных сообществ подтверждают данные уже упоминавшегося недавнего опроса. В частности, на вопрос «Считаете ли Вы себя полноправным участником местного самоуправления?» отрицательно ответили более 52 % респондентов. А в качестве основной причины отсутствия возможности повлиять на решения администрации сельского поселения 47 % респондентов указывают на пассивность граждан.

Как растормозить, растормошить, преодолеть пассивность, инертность, а то и тягу к деструкции, дезорганизации в местном сообществе?

Думается, что достаточно конструктивные ответы мы найдем в современной теории организации, теории управления, социальной психологии. Но не только там.

Все это и побуждает к формированию современной философии местного самоуправления как области рефлексии, применительно к причинам, формирующим социальное бытие в упомянутых параметрах и состояниях, а также касательно когнитивного процесса, который так и не удается развернуть с ориентацией на всестороннее познание и понимание структур и тенденций местного бытия. Последняя фраза может быть не совсем понятна. Для ее конкретизации просто приведем один показательный пример. В 70-е гг. XX в. в г. Таганроге Институт социологических исследований АН СССР организовал многолетний многопараметрический мониторинг нескольких сотен домохозяйств, построенный по репрезентативной выборке. Материалы этого эксперимента дали гораздо больше достоверных материалов, чем тысячи статей и десятки социологических опросов, посвященных исследованию социалистического образа жизни.

Выскажем ряд соображений, касающихся формирования области, которую мы назвали философией местного самоуправления. Сразу скажем, что вопросов здесь гораздо больше, чем ответов.

В принципе процесс концептуализации в области данной тематики, охватывающий политологические, правовые, социологические, экономические дисциплины, может развертываться достаточно долго, неспешно и стихийно. Между тем, он может быть, с нашей точки зрения, ускорен и скорректирован на

более интенсивное междисциплинарное взаимодействие, если будут интенсифицированы философско-методологические и ценностно-философские исследования. И здесь мы бы обратили внимание на возможности новой области анализа – философскую инноватику [4], понимаемую как сфера концептуальных и проектных разработок междисциплинарного или межпарадигмального вида, осуществляемых с помощью инструментария философской рефлексии.

Анализируя основные подходы и контекст в разработке теории местного самоуправления, с точки зрения философской инноватики, следует обозначить базовые социально-философские, философско-методологические, философско-управленческие идеи и концепты, которые определяют тот или иной вариант теории МСУ.

Собственно вариантов современной теории самоуправления не столь много. Как отмечается в научной литературе, это: политическая теория самоуправления; теория социального обслуживания; теория самоуправляющихся единиц как юридических лиц; концепция дуализма муниципального управления, а также те или иные варианты комбинаций данных исходных концепций [5, с. 112]. А вот основная категориальная «ось», вокруг которой группируется концептуальная полемика и организуется затем нормативно-правовое и ценностное поле социального проектирования, может быть представлена в различных ипостасях. Чаще всего в качестве такой «оси», определяющей (и концептуально, и ценностно, и практически) построение системы местного самоуправления, выступает категория «государство». Поэтому и концепции, и практика МСУ поляризуются на субординационную (МСУ как неотъемлемая часть государства) и координационную (МСУ как самостоятельная система общественного управления) модели. В качестве компромиссного варианта разрабатывается концепция дуализма МСУ, основанная на принципе субсидиарности (дополнительности) [5, с. 115].

Следует обратить внимание на необходимость не только репрезентации взаимоотношений государственной власти и МСУ в ракурсе «властной вертикали», но и на содержательную нюансировку функционирования данной системы.

Прежде всего можно вести речь о содержании основных кратических моделей, которые складываются и в плане эволюции государственной власти в обществе, и в ее современной репрезентации [6]: модели правового государства; государства и общества массового потребления; социального государства; постматериального государства и общества (ориентированных на человеческий капитал).

В рамках данных эволюционирующих систем меняются не только взаимодействие и наборы функций государства и МСУ, но основные ценностно-целевые ориентиры, детерминирующие направленность, стратегию функционирования основных подсистем (государство, МСУ) данных систем.
Например, вместе с изменением ценностно-целевой направленности государственной власти и управления от политико-административной модели – к концепции государственного менеджмента и государственных услуг – следует ожи-

дать сопутствующих изменений и в системе ценностно-целевых ориентаций МСУ, а также в системе их взаимоотношений.

Следует обратить внимание и на то, что в рамках социально-философского и философско-методологического анализа социологического знания, основных концептуальных подходов к обществу, фиксируются две доминирующих и относительно полярных парадигмы: «В современной социологической науке, несмотря на многообразие теорий, концепций, подходов, доминируют ***две основные парадигмы*** – ***социологический реализм*** (объекты исследования – общество, социальная структура, социальные институты) и ***социологический номинализм*** (объекты исследования – индивид, личность, человек). Они продолжают существовать и в современной науке, олицетворяя ту или иную методологическую структуру» [7, с. 37-38]. И, добавим, не только в социологической науке, но и в других отраслях гуманитарного знания. Скажем, в политической теории данная парадигмальная диспозиция детерминирует дифференциацию концепций демократии и стратегий их реализации на два класса: идентитарные (коллективистские) и конкурентные (индивидуалистические). Более того, данная диспозиция вполне явно просматривается и на уровне общественной психологии.

К примеру, современная российская действительность характерна «ножницами» между по-преимуществу идентитарной (общественной) ориентацией общественной психологии и персоналистски ориентированными (приоритет личности) основными стратегиями государственного функционирования и развития.

В последнее 20-летие соотношение идентитарности и персонализма меняется в пользу второго. Однако социальное и политическое качество персонализма при этом остается на самом низком уровне. В итоге общественная, солидарная база, без которой не может конституироваться МСУ, сокращается, из нее уходит собственно общественный интерес, что обусловливает существенные проблемы в становлении современной системы МСУ в России.

В связи с обозначенным сюжетом необходимо отметить еще два существенных момента, детерминирующих конституирование «оси», связанной с категорией «общество». Прежде всего, это категория и концепции «гражданского общества», вокруг которых ныне в России ведется достаточно много споров.

Обращаясь к другим базовым категориям, определяющим местное бытие и местное сознание и управление: «местное общество», «общий интерес», «местное самоуправление» и тенденции его развития, а также учитывая специфику современного местного общества, необходимо отметить два существенных момента, детерминирующих конституирование «оси», связанной с категорией «общество». Прежде всего, это категория и концепции «гражданского общества», вокруг которых ныне в России ведется достаточно много споров.

Не касаясь самих этих дискуссий (о них речь шла и на наших международных конференциях, организованных при участии Фонда им. Ф. Эбер-

та)[*], отметим, что местные сообщества, которые могут рассматриваться в качестве сегмента гражданского общества страны в целом и могут трактоваться как ***местное гражданское общество***, что придает важную направленность концепциям МСУ, переключая их внимание с по-преимуществу хозяйственно-организационного – на гражданский и ценностный аспекты.

В качестве другого момента отметим исследования в области многосоставных обществ [8], которые призваны не столько типологизировать, упорядочить и унифицировать представление о многообразии существующих локальных и региональных сообществ, сколько дать на этой основе реалистическую картину жизни и развития современных обществ-государств в мире. Причем речь идет не только о многосоставности в смысле политической культуры по А. Лейпхарту, но и о экономически-технологической многоукладности, что более актуально для современной России и что существенно детерминирует параметры первого указанного аспекта многосоставности. Обращение к данному сюжету позволяет выявить сложности и риски в попытках внедрить унифицированную модель МСУ в современном российском обществе. Они (эти попытки) порождают не только формализм, блокирующий полноценную работу внедряемой модели, но и генерируют неформальные (теневые) модели МСУ. Последний феномен требует и обстоятельных обсуждений, и исследований, которые могут быть реализованы прежде всего в контексте категории, консолидированной с категорией «цивилизация».

Обращение к категории «цивилизация», в смысле «локальная цивилизация», позволяет сконцентрировать внимание в области философии МСУ на учете специфики цивилизационного развития российского общества и государства. Сразу оговоримся: смысл термина «специфика» не означает движение российского общества и государства к автаркии, закрытому обществу, в чем часто упрекают известные деятели, как только обозначается тема цивилизационной специфики.

Речь идет о бережном отношении к огромному национальному опыту хозяйствования и социальной организации на обширнейших территориях Российского государства, опыте организации взаимоотношений многочисленных народов на этой территории, опыте организации гармоничных отношений с природной средой [9].

Совершенно не случайно веками выстраивалась и воспроизводилась такая форма российской государственности, как федеративная (многонациональная). Не случайны и многовековые поиски «русской идеи» как основы построения российской государственности на идеократической основе, что характерно для всех локальных цивилизаций. Это поиски, знавшие различ-

[*] Международная конференция «Перспективы гражданского общества в современной России и особенности его формирования в условиях Северо-Кавказского региона». Ростов н/Д., 11–12.09.2002; Международная конференция «Проблемы соответствия партийной системы интересам гражданского общества современной России». Ростов н/Д., 28–29.05.2004.

ные варианты воплощений, но всегда воспроизводившиеся в данном направлении.

Поиск национальной (государственной) идеи идет в России и в современных условиях. Локально-цивилизационная специфика российского общества, проявляющаяся в ментальности и жизнедеятельности всех народов, объединенных Российским государством, основана на культурно-мировоззренческой матрице, отличной от западной и восточных культур и цивилизаций. Мы ранее неоднократно обращали внимание на данные особенности [10, с. 150-151; 11, с. 18-20]. Данный вектор значим и в разработке политических концепций [12], и философии МСУ, учитывающей локально-цивилизационную специфику.

Что касается некоторых суждений о том, что местное самоуправление в нашей стране вообще не нужно, а поскольку оно все же введено, то пусть муниципалы со своими проблемами сами и управляются и можно ли «отделить» местное самоуправление от государства?

Можно по этому поводу заметить, что в качестве ключевого критерия различия государственного управления и местного самоуправления выступает категория «общественный интерес»: достаточно четко различаются или могут быть разведены государственно-общественный интерес и местный общественный интерес. Здесь вполне допустима аналогия: есть частные фирмы и корпорации и есть казенные (государственные). Конечно, в процессе развития те или иные сферы интересов могут «перетекать» с местного на государственный уровень и наоборот. Но ничего в этом страшного нет. Плохо, когда происходит огосударствление, в особенности чрезмерное, и бизнеса, и власти. Местная власть позволяет полнее, конкретнее, оперативней и эффективней реализовать местный общественный интерес. Но государственная власть должна осуществлять надзор, межтерриториальный арбитраж, реализовать на местной территории (с согласия и при участии местной власти) государственные программы и необходимые государственные функции. В этом плане явно напрашивается понятие «муниципального заказа» – ближнесрочного, среднесрочного и долгосрочного – как документа, подготовленного местным сообществом, согласованного с ним и направленного местным органам власти для реализации. В таком документе и реализуется местный общественный интерес.

Что касается природы и тенденций развития местного самоуправления, следует подчеркнуть, что самоуправленческая деятельность носит и догосударственный, и внегосударственный характер. В том смысле, что побуждение людей к действиям базируется, как правило, на иных механизмах, нежели государственное принуждение и государственное насилие. Самоуправление опирается на поддерживаемые членами сообщества ценности, традиции и ритуалы, общественное мнение, лидерское влияние. В ходе самоуправленческой деятельности, в силу недостаточности средств принуждения, мобилизации, наказания, контроля, мы встречаемся со значительным числом затруднений и препятствий. Самоуправление требует в качестве необходимо-

го условия значительного внутрисоциального согласия в рамках обозначенных совместных проблем, целей, используемых средств. Существенная часть усилий органа самоуправления концентрируется как раз на поддержке ресурсов внутреннего согласия.

Можно сказать, что самоуправление – это основная форма и действующая модель «общественного договора» – категории, выдвинутой политическими мыслителями европейского Нового времени.

Думается, что в современных условиях значимость самоуправления объективно возрастает, поскольку, прежде всего в развитых странах, да и в развивающихся также, общественная среда становится все более чувствительной к проблемам личности, ее развития, защиты прав и свобод, что более востребует не только методы добровольной и консенсусной самоорганизации, но и накладывает существенный отпечаток на деятельность института государства, что проявляется в разработке и реализации новых моделей его деятельности: «сервисное государство», «отзывчивое государство», «гибкое государство» и т.п. Это во многом сближает действия государственных институтов с институтами местного самоуправления.

В перспективе и в либералистской, и в социалистической, и в анархистской традиции проявляется тяга к переходу от доминирования государственного управления – к доминированию самоуправления.

Что касается социального проектирования, то следует обратить серьезное внимание на исследования в области теории организации, социальной психологии. Как создается крупная организация, корпорация, успешный коллектив, спортивная команда? Это делается с опорой на некоторые общие правила. Прежде всего это выдвижение больших, общезначимых, перспективных целей. Мотивация членов организации на целедостижительные действия. Координация этих действий, обеспечение ресурсами, выявление лидеров (позитивно и негативно настроенных) и точечная работа с ними и т.д.

Если говорить кратко, то без формирования внутренней самоуправленческой культуры (включающей и общие ценности, и навыки, и дисциплину), без мотивации людей, без выделения лидерской компоненты и без обеспечения доступа к ресурсам (хотя бы из тех, что потенциально есть у местного сообщества) никакого местного самоуправления не получится. Для того, чтобы сделать это не в течение столетий, а за годы и десятилетия, необходима специальная управленческая поддержка. Но не подмена органами государственной власти органов местного самоуправления.

Есть два пути формирования гражданского общества на местном уровне: стихийный (как это происходило во многих странах Европы) и конструктивистский. Стихийный связан с длительным периодом формирования сферы частных интересов и создания устойчивых механизмов их согласования.

У нас еще не сложилась устойчивая сфера частных интересов, и на это уйдут десятилетия. Поэтому и необходим запуск конструктивистской программы, которая в том числе поможет создать и сферу местных гражданских интересов. И, в первую очередь, необходимо создавать «точки кристал-

лизации» в виде специально подготовленных групп, к которым тянется (или в которые мобилизуется) готовое к сотрудничеству население. Конечно, и местное самоуправление – это не филиал государства. Это орган, который способен диагностировать местные интересы и организовать местное население, включая его собственные материальные и духовные ресурсы, для организации достойной жизни на данной территории.

Резюмируя, подчеркнем, необходимые условия для организации самоуправления – это подготовленный для этого управленческий персонал, кадры (как «центр кристаллизации» местных интересов и целеполагания по их достижению) и выделение достаточных ресурсов (или права на их использование).

Касаясь тенденций развития МСУ, наряду с их цивилизационной природой, нужно отметить на связь эволюции МСУ с эволюцией данного национального государства. В рамках данных эволюционирующих систем меняются не только взаимодействие и наборы функций государства и МСУ, но и основные ценностно-целевые ориентиры, детерминирующие направленность, стратегию функционирования основных подсистем (государство, МСУ) данных систем.

Тем не менее, нужно заметить, что пока даже в формальном отношении, баланс общественных и государственных интересов на уровне МСУ явно смещен в пользу государства. Если же проследить не только формальное, но и реальное наполнение указанных отношений, то данный баланс уверенно эволюционирует в сторону региональных и федеральных государственных властей, что связано со многими детеминантами, но не только с уровнем наполненности муниципальных бюджетов.

Завершая краткий экскурс в область философии местного самоуправления, заметим, что в первом приближении ***Философия МСУ может быть определена как область знаний и представлений об особенностях социального бытия данного общества на местном поселенческом уровне и о методах постижения, познания этого бытия.*** С нашей точки зрения, разработка философии МСУ должна предшествовать и сопровождать далее разработку концепций МСУ (общих и дисциплинарных), которые далее реализуются и конкретизируются в дирижистских (управленческих, нормативно-правовых) и иных регулятивных разработках.

Несформированность в современном отечественном общественном сознании философии МСУ, как и адекватных природе нашего современного российского общества концепций МСУ не может нас смущать. Мы должны помнить слова одного из основоположников современной теории управления Стаффорда Бира: «Когда речь заходит об управлении, воцаряется странное молчание. Нет ни общего соглашения о существовании такого предмета, как наука управления, ни единодушного мнения, что умению управлять, вообще говоря, можно обучиться. Причина, очевидно, заключается в том, что никто еще не систематизировал опыт, который человечество накопило в области управления» [13, с. 7]. При всей завышенности требований указанного автора

к управлению мы не должны забывать, что применительно к различным системам, включая социальные, мы нередко отождествляем категорию «управление» с понятиями «руководство», «влияние», «направляющее воздействие», «регулирование», а потом разочаровываемся и критикуем тех, кто «не справился с управлением». Научить управленцев дифференцировать ситуации с социальными системами по глубине и объему управляемости, а тем более, самоуправляемости, это тоже одна из задач философии местного самоуправления.

Литература

1. Муниципальная реформа в Российской Федерации. Правовое и экономическое исследование. М., 2010.

2. Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М., 2010;

3. Старостин А.М. Семь «смертных грехов» современной бюрократии и проблемы повышения эффективности государственной и муниципальной власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2010. № 3.

4. Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. Монография. М., 2012.

5. Пешин Н.Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. М., 2007.

6. Старостин А.М. Эффективность государственного управления в контексте современных кратических теорий // Электоральное пространство современной России. Политические науки: Ежегодник. 2008. М., 2009.

7. Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005.

8. Старостин А.М. Трансформация государственного управления в условиях многосоставного общества // Социальное управление. Вопросы теории и методологии. Ростов н/Д., 2009.

9. Еремян В.В. Муниципальная история России. М., 2005.

10. Понеделков А.В. Элита. Ростов н/Д, 1995.

11. Понеделков А.В., Старостин А.М. Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д, 1998.

12. Старостин А.М. Цивилизационная парадигма в политической науке // Труды IV Всероссийского конгресса политологов. М., 2006.

13. Бир Ст. Наука управления. М., 2007.